

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 4 (59)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, телефон: (345-2) 688-756, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2022

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (59)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Богордаева А.А.

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
E-mail: bogordaeva@mail.ru

«ШЛЕМЫ» ОБСКИХ УГРОВ: ТИПОЛОГИЯ И ФУНКЦИИ

Проанализированы суконные головные уборы — шлемы, хранящиеся на святилищах северных хантов и манси. Среди них выявлено 4 типа: малахай, шлем, башлык и шапка-ушанка. Для каждого типа определены особенности и территория бытования. Установлено, что характерный для северососьвинских манси малахай сходен с головными уборами тюркских народов, из которых в прошлом территориально близкими были башкиры. Входившие в состав воинского облачения в XIX в. башкирские малахай имеют ряд общих признаков с казахскими шапками, которые также входили в состав воинского костюма всадника. Сравнительный анализ кроя и украшений угорских, башкирских и казахских малахаев показывает сходство по ряду признаков, что свидетельствует о единстве их происхождения и функций.

Ключевые слова: ханты, манси, обские угры, Западная Сибирь, Урал, священные предметы, головной убор, шапка, шлем, малахай, Небесный всадник.

В рамках традиционной культуры головной убор является составной частью костюма, выполненного в едином стиле, который во многом обусловлен производственной базой, ремесленными навыками и обычаями. Он выполняет определенные функции и имеет соответствующую семантику. Чем выше социальный статус костюма и его владельца, тем больше значимость и головного убора. В отрыве от костюма и его владельца он утрачивает одни функции и наполняется другими, которые мало связаны с его исконным назначением, и зачастую переходит в категорию священных предметов, со временем все более отдаляясь от своего изначального контекста.

На святилищах обских угров среди прикладов — даров духам-покровителям и в составе их облачения находятся своеобразные орнаментированные головные уборы, не имеющие аналогов в традиционном костюме хантов и манси. О большой значимости этих предметов свидетельствует ряд обрядов и запретов, связанных с ними. В этнографической литературе эти головные уборы получили наименование «шлемы». При этом шлемами называют и шапки, и головные уборы более сложной формы. Одни из них имеют сходство со шлемами по форме тульи, другие значительно отличаются, все они сшиты из сукна, орнаментированы в технике мозаики, имеют меховую оторочку и вполне вписываются в существующие традиционные приемы швейного ремесла. При этом они мало похожи на «шлемы»¹ и вряд ли могут защитить от удара оружием.

В настоящее время обские угры — ханты и манси (народы угорской группы финно-угорской ветви уральской языковой семьи) проживают на территории, прилегающей к Средней и Нижней Оби и ее притокам, а также к низовьям Иртыша. Административно эта территория относится к Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре, Ямало-Ненецкому автономному округу, Уватскому району Тюменской области, северо-западу Свердловской области и Александровскому и Каргасокскому районам Томской области. На основе общности языка, территории и хозяйства здесь к началу XX в. сложились этнографические и территориальные группы, некоторые из них были частично ассимилированы, частично переселились в другие районы. Северные и восточные ханты, несмотря на урбанизацию и промышленное освоение второй половины XX в., ведут традиционный образ жизни, северные манси, проживающие в большинстве в крупных населенных пунктах, сохраняют свой язык и культуру. Традиционная культура этих групп связана с оленеводством, охотой, рыболовством и собирательством и материальных свидетельств о военных походах, где могли бы пригодиться шлемы, сохранилось немного, и большей частью они представлены культовой атрибутикой.

В поле зрения исследователей шлемы обских угров попали относительно недавно — в середине XX в. Особая форма этих головных уборов не позволяла изначально определить их предназначение, и по единству орнаментации, оформлению и особенностям изготовления их объединили с жертвенными покрывалами, изучение которых началось ранее. С орнаментом, изображающим

¹ Шлем — шелом, военный доспех, кроющий голову, каска [Даль, 2002, с. 609].

всадника, связаны первые, относящиеся к началу XX в., упоминания о жертвенных покрывалах в этнографической литературе [Руденко, 1929, с. 31–32; Чернецов, 1939, с. 34]. В середине XX в. были опубликованы подробные описания, рисунки и фотографии жертвенных покрывал [Иванов, 1954, с. 49–51; Прыткова, 1949, с. 375–379; Kannisto, Liivola, 1958; Vahter, 1953]. Рассматривая их орнамент, С.В. Иванов обращает внимание на сшитый также из сукна и орнаментированный в том же стиле предмет, который он называет шапкой, потому что его форма напоминает большую шапку-ушанку [Иванов, 1954, с. 51–54]. Позднее еще один головной убор, схожий по технике изготовления и орнаменту с жертвенными покрывалами, был опубликован В.Ю. Лещенко [1981, с. 118–119].

В дальнейшем изучение орнамента «всадник» на жертвенных покрывалах было продолжено. Его происхождение связывали и с древним угорским компонентом [Чернецов, 1947, с. 114–115], и с образом бога Митры, заимствованным у иранцев предками манси [Гемуев, 1990, с. 190–192; Топоров, 1981], и с тюркскими корнями [Рындина, 1995, с. 394]. Появление самой техники изготовления этого орнамента О.М. Рындина относит к самому позднему — четвертому этапу в генезисе обскоугорского орнамента, отмечая наибольшее его развитие у северных манси [Там же, с. 392–395]. Священные орнаменты, в число которых входит и «всадник», Т.А. Молданова связывает с вошедшими в состав казымских и тромъеганских хантов группами *Моц ёх*, в культуре которых прослеживается индоевропейское и тюркское влияние [1999, с. 182].

Раскрытие феномена «жертвенных шлемов» и их новые публикации были сделаны в конце XX — начале XXI в. новосибирскими этнографами И.Н. Гемуевым и А.В. Бауло. Так, впервые подробные и многочисленные описания этих головных уборов, их рисунки были представлены в монографии И.Н. Гемуева [1990]. Некоторые из них обозначались как «накидки», поскольку были наброшены на голову духа-покровителя, затем по аналогии с обнаруженным здесь же сшитым из черного бархата шлемом стали называться так же [Там же, с. 66–123]. Исследования И.Н. Гемуева были продолжены А.В. Бауло. В ходе многолетних экспедиций им было обследовано и изучено множество святилищ северных хантов и манси и собрана обширная и уникальная коллекция культовых предметов, которые впоследствии были переданы в музей г. Новосибирска, Ханты-Мансийска, Салехарда и др. Собранные А.В. Бауло сведения о жертвенных покрывалах, включая шлемы, и описания сопровождающих их обрядов проанализированы и опубликованы [Гемуев, Бауло, 1999; Бауло, 2002, 2013, 2016 и др.]. В этих работах даны определение жертвенных покрывал (включая шлемы), характеристика их состава, ареала бытования и локальные особенности; рассмотрены порядок и техника их изготовления, условия жертвоваания, хранения и использования; проанализированы орнамент, его семантика и генезис [Гемуев, Бауло, 2001; Бауло, 2002, 2013, 2016, 2017 и др.]. Подводя многолетние (1983–2015 гг.) итоги изучения жертвенных покрывал, А.В. Бауло выделяет по общим признакам в Нижнем Приобье пять субрегионов их бытования — ляпинский, сосьвинский, березовский, казымский и сынский, отмечая, что при наличии жертвенных покрывал у ляпинских манси шлемы не зафиксированы [2017, с. 101]. Рассматривая генезис орнамента на жертвенных покрывалах, он считает, что изображение всадника возникло в результате копирования образа, совпадающего с представлениями об одном из верховных божеств, с привозных серебряных чаш иранского, согдийского и болгарского производства, а также болгарских серебряных блях с сокольничим [Бауло, 2017, с. 107]. С копированием связывает он и происхождение шлемов в культуре обских угров, которые дополняли образ всадника материальными атрибутами (покрывало, шлем и пр.) [Там же, с. 109].

В целом, проведенные исследования показывают, что в XX — начале XXI в. жертвенные шлемы представлялись как особые головные уборы (включая шапки), сшитые и украшенные в едином с жертвенными покрывалами и поясами стиле. Как и для покрывал, для шлемов характерны такие признаки, как: изготовление из сукна, обшивка края мехом, орнаментация в технике мозаики, пришивание полосок сукна, меха, ремешков из ровдуги и низок бисера с колокольчиками и бубенчиками на концах, пришивание монет, зашивание орнамента лоскутом ткани, ряд запретов и обрядов, связанных с изготовлением и хранением. Ареал их бытования включал районы проживания северных хантов (березовских, сынских, казымских) и сосьвинских манси.

Вместе с жертвенными покрывалами шлемы составляют отдельную категорию культовых предметов — *ялпын улама* ('священный' *jalpiŋ*, 'жертвенное покрывало' *ulama*, 'одежда, одеяние' *ulam*; сев. манс.) [Чернецов, Чернецова, 1936, с. 70, 106], *емынг* 'святой' (сев. хант.) и у сынских хантов называются — *емынг мил* 'святая шапка' [Бауло, 2002, с. 65–66; 2017, с. 100; Гемуев, 1990, с. 35–37; Гемуев, Бауло, 2001, с. 11; Прыткова, 1949, с. 377–379]. Как правило, изготовление и жертвовање каждого из этих предметов происходили по обету, по слову шама-

на или в определенный период жизни главы (мужчины) семьи и были связаны с семейным событием (женильбой сына, рождением внука и пр.), сопровождалась запретами и обрядами с жертвоприношением, направленными на укрепление здоровья, долголетия и благополучия членов семьи или рода [Бауло, 2002, с. 67; Гемуев, 1990, с. 112, 196–197; Гемуев, Бауло, 2001, с. 11–12; Прыткова, 1949, с. 377]. По данным И.Н. Гемуева, у манси шлем и пояс составляли предметы богатырского одеяния, их дарили, жертвовали, как правило, родовому «предку-богатырю» — *отыр'у* (манс.) или духу-покровителю селения — *ойк'е*, которые по символике орнамента «всадник» соединялись в образе *Мир-сусне-хум'а* [Гемуев, 1990, с. 196–197]. Во время жертвоприношения богатырское одеяние — халат, пояс и шлем набрасывали поверх священного покрывала («седла») на спину приносимого в жертву животного [Гемуев, Бауло, 2001, с. 16–19]. Кроме того, известно, что и при жертвоприношениях, и во время медвежьего праздника шлемы, пояса, покрывала доставали и вывешивали на перекладыны, выкладывали на помост, а на святилищах иногда шлемы надевали на шести, обозначая так фигуры духов-покровителей [Гемуев, Бауло, 1999, с. 166–167; Гемуев, Бауло, 2001, с. 17–18; Kannisto, Liimola, 1958, S. 288]. В остальное время шлемы хранят вместе с другой культовой атрибутикой и изображениями духов-покровителей в доме — на чердаке или на специальной полке в мешках, сундуках, коробках и т.п., в священных лабазах рядом с домом и на святилищах [Бауло, 2002, с. 68; Гемуев, 1990, с. 162–163; Гемуев, Бауло, 2001, с. 15; Прыткова, 1949, с. 377; Kannisto, Liimola, 1958, S. 312]. Также И.Н. Гемуевым были зафиксированы случаи, когда шлемы были надеты на изображения духов-покровителей [1990, с. 66, 125]. После смерти главы семейства, разрушения дома и исчезновения селений покрывала, шлемы, пояса обычно перемещали на поселковое святилище [Гемуев, Бауло, 2001, с. 15].

Изготовление шлемов происходило так же, как и изготовление жертвенных покрывал: приглашали (иногда — по указанию шамана) знающую мастерицу, которая должна была отвечать определенным требованиям (отсутствие менструации и беременности) [Бауло, 2002, с. 68; Гемуев, Бауло, 1999, с. 181; Прыткова, 1949, с. 377–378]. Локально существовали и другие ограничения: у северных манси жертвенные покрывала можно было изготавливать только осенью, шить их должна женщина из другой семьи, селения или района; у отдельных групп северных хантов мастерица шила покрывало в течение семи дней в светлое время суток и за свою жизнь могла сделать не более семи покрывал, заниматься шитьем священной атрибутики можно было только во время новолуния [Бауло, 2002, с. 67–68; Гемуев, Бауло, 1999, с. 181; Молданова, 1999, с. 146; Прыткова, 1949, с. 378]. Мастерице предоставляли необходимые материалы (или же она покупала сама) — сукно, мех, бубенчики, колокольчики и пр. и огороженное место в доме, чтобы никто не видел ее работу, за которую по окончании она получала подарки — платок, обувь, халат, часть жертвенного мяса и др. [Бауло, 2002, с. 68; Гемуев, Бауло, 1999, с. 181; Прыткова, 1949, с. 377–378]. По данным А.В. Бауло, березовские ханты выкройку прямоугольников с орнаментом, из которых сшивали покрывала, пояса и шлемы, делали по специальным деревянным лекалам, которые хранили в «святых» сундуках [2002, с. 67]. Новое покрывало «освящали», устраивая жертвоприношение, а у березовских хантов жертвоприношения делали и в процессе изготовления [Гемуев, Бауло, 1999, с. 182; Прыткова, 1949, с. 378].

В составе шлемов выделяются шапки (конусообразные/островерхие и сферические) и головные уборы иной формы, различающиеся количеством орнаментированных прямоугольников (четыре, шесть, семь, восемь, один, два) [Гемуев, Бауло, 2001, с. Бауло, 2013, с. 126, 151–154; 2016, с. 226–233, 256–265]. Форма шлемов во многом обусловлена спецификой их изготовления. Так же как и жертвенные покрывала, шлемы шьют из суконных прямоугольников двух-трех цветов, орнаментированных в технике мозаики. Известно, что цвет сукна выбирает либо шаман, либо мастерица, либо сам жертвующий и в прошлом один из цветов обязательно был красным, а у северных манси вторым цветом часто был черный [Гемуев, Бауло, 1999, с. 181; Гемуев, Бауло, 2001, с. 13–14, 40; Прыткова, 1949, с. 377–379]. Прямоугольники из сукна двух цветов складывают вместе и вырезают орнамент, а затем меняют вырезанные орнаменты местами, вшивая их в прямоугольники другого цвета. Полученные таким образом орнаментированные прямоугольники соединяют в порядке чередования цветов. Края головных уборов обшивали мехом пушных зверей, при этом у казымских и обских хантов практикуется обшивание мехом каждого прямоугольника. В использовании меха у разных групп наблюдаются свои предпочтения; так, казымские ханты применяют чаще мех рыжей лисы, северные манси — мех соболя и белки [Гемуев, Бауло, 2001, с. 14; Прыткова, 1949, с. 377–378]. Отдельные шлемы с внешней стороны обшивали тканью, закрывающей орнамент, который имеет сакральное значение.

В отличие от жертвенных покрывал орнамент на шлемах более разнообразен. Так же как и на покрывалах, здесь имеется орнамент в центре прямоугольников, изображающий человека на лошади (всадника). Это изображение относится к числу священных, предназначенных для культовой атрибутики (жертвенных покрывал, поясов, накидок, шлемов, шапок и т.п.). Изображение всадника встречается на шлемах повсеместно, казымские ханты ассоциируют его с духами-покровителями — *Вэрт ики*, *Лауал тый ики* 'Верховьев Иртыша мужчина', *Ас-тый-ики* 'Верховьев Оби мужчина', *Ем вож ики* 'Священного города мужчина', *Лев кутуп ики* 'Середины Сосьвы мужчина', обские ханты — с *Урт ики*, северные манси — с *Мир сусне хум'ом* 'Человеком, осматривающим мир', *Али-хум'ом* 'Верховским (Южным) человеком', *Лувн-хум'ом* 'Конным человеком, всадником', *Сорни-отыр'ом* 'Золотым богатырем', *Ас-тыльях-отыр'ом* 'Верховьев Оби мужчиной', *Лынт-хум'ом* 'Гусь-человеком' и др. [Бауло, 2002, с. 72; 2017, с. 97; Гемуев, 1990, с. 182–183; Иванов, 1954, с. 49–51; Молданова, 1999, с. 148; Прыткова, 1949, с. 377–379; Руденко, 1929, с. 31–32; Чернецов, 1939, с. 34; и др.]. Кроме того, у сынских хантов кроме фигуры всадника на шлемах зафиксированы и другие (казарки, кукушки, орла), соотносящиеся с образами духов-покровителей отдельных селений [Бауло, 2017, с. 106].

Анализ историографии показывает, что изучение жертвенных шлемов проводилось в комплексе с жертвенными покрывалами. В результате был освещен целый ряд вопросов, связанных с их бытованием, хранением, изготовлением, распространением у отдельных групп, орнаментацией и той ролью, которую они выполняли во время обрядов. Другую линию исследования составляли работы, в которых рассматривался орнамент «всадник», «человек на лошади» и по итогам которых были сделаны выводы о происхождении орнамента и техники его изготовления. За рамками изучения остался шлем как часть костюма, его крой и форма.

С целью определения основных типов кроя «шлемов» выполним их сравнительно-типологический анализ, который позволит выделить наиболее архаичные из них, установить ареалы бытования типов, выявить аналоги у других народов и таким образом конкретизировать их функции в рамках костюма. При этом необходимо исходить из того, что головной убор (условно — шлем) является частью костюма, соответствует технологии и материалу его изготовления, которые, в свою очередь, связаны с хозяйственно-культурным комплексом и обусловлены историческими и культурными традициями. В рамках данного исследования будут рассмотрены «шлемы» обских угров — вид головного убора особой формы с тульей и пришитыми к ней дополнительными деталями (наушниками, назатыльником и пр.), исключая шапки — головные уборы простой формы (конусообразные, полусферические, трапециевидные), состоящие из тульи и околыша.

В ходе исследования было изучено 9 жертвенных шлемов, из них 6 — в ходе экспедиций и 2 — из музейных коллекций Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского (г. Салехард) и 1 — из фондов Муниципального автономного учреждения «Березовский районный краеведческий музей (п.г.т. Березово Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа — Югры)². Экспедиции проводились в 2005–2010 гг. на территории проживания северососьвинских и ляпинских манси, березовских хантов в Березовском районе ХМАО — Югры и в районах проживания сынских хантов — в Белоярском районе ХМАО — Югры, Шурышкарском районе ЯНАО под руководством А.В. Бауло³. Многие из описываемых здесь предметов были опубликованы ранее [Бауло, 2013, 2016].

При кажущемся разнообразии шлемов обских угров все они имеют ряд одинаковых признаков, проявляющихся в способах кроя и украшениях. Как правило, у всех головных уборов этого вида выделяются тулья и пришитые к ней, закрывающие шею и уши, лопасти. И тулья, и пришитые к ней части сшиты из отдельных прямоугольников и полос, декорированных в технике суконной мозаики специальными священными орнаментами. Макушка и края шлемов украшены меховой опушкой, кисточками из узких разноцветных полосок сукна, низками бисера и бус с колокольчиками и бубенчиками на концах. Нередко на священные орнаменты нашиты монеты — по одной на каждую фигуру. По особенностям кроя, расположению деталей и форме тульи среди шлемов выделяется четыре типа, которые похожи на хорошо известные головные уборы — ***малахай, шлем, башлык (накидка) и шапку-ушанку***.

² Автор благодарит руководителей, научных сотрудников и хранителей музеев за предоставленную возможность работы с предметами и оказанную помощь.

³ Автор выражает признательность и благодарит ведущего научного сотрудника Института археологии и этнографии СО РАН д.и.н. А.В. Бауло за предоставленную возможность участвовать в экспедициях.

«Шлемы» обских угров: типология и функции

I тип (малахай⁴). Тулья этого типа состоит из 3–4 орнаментированных прямоугольников, к ее нижнему краю пришита спускающаяся до плеч и покрывающая затылок, шею, уши лопасть, составленная из прямоугольников или полос (рис. 1). По способу соединения прямоугольников тульи на макушке и форме нижней лопасти выделяется 2 варианта. В первом варианте тулью (высота от 23 до 53 см) составляют 4 прямоугольника, сшитых между собой сверху соединенными по середине краями и по бокам соседними сторонами, так что образовались четыре угла. Этот вариант кроя тульи повторяет один из вариантов кроя трапециевидных шапок духов-покровителей (рис. 1, 1а–в). По размеру нижней части и дополнительным деталям этот вариант имеет два подварианта. В первом случае — к нижнему краю трех прямоугольников пришиты широкие полосы (1–3) из цветного сукна, часто орнаментированные в технике мозаики (рис. 1, 1а–в). Такие головные уборы фиксировались в конце XX — начале XXI в. у березовских и сынских хантов, северососьвинских манси [Бауло, 2002, с. 32; Бауло, 2016, с. 228; Бауло, Гемуев, 2001, с. 110–112, 115; Гемуев, Бауло, 1999, с. 71, 90, 158]. В ходе экспедиционных исследований один такой шлем был зафиксирован у березовских хантов (ПМА, Березовский р-н, 2007), и еще два шлема (№ 394, № 238-1) северных хантов были исследованы в фондах Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского (г. Салехард) (рис. 1, 1а–в). Второй подвариант представляют шлемы с такой же тульей, но у которых к нижнему краю тульи пришита только одна узкая орнаментированная в технике мозаики полоса, иногда узкая полоса из сукна пришита и к лицевому краю. В месте соединения середин прямоугольников на макушке пришивается кисточка из суконных лоскутков, низка бисера и т.п. Высота шлема достигала 30 см. Такие шлемы в середине XX в. отмечены у северососьвинских манси [Гемуев, Бауло, 1999, с. 90].

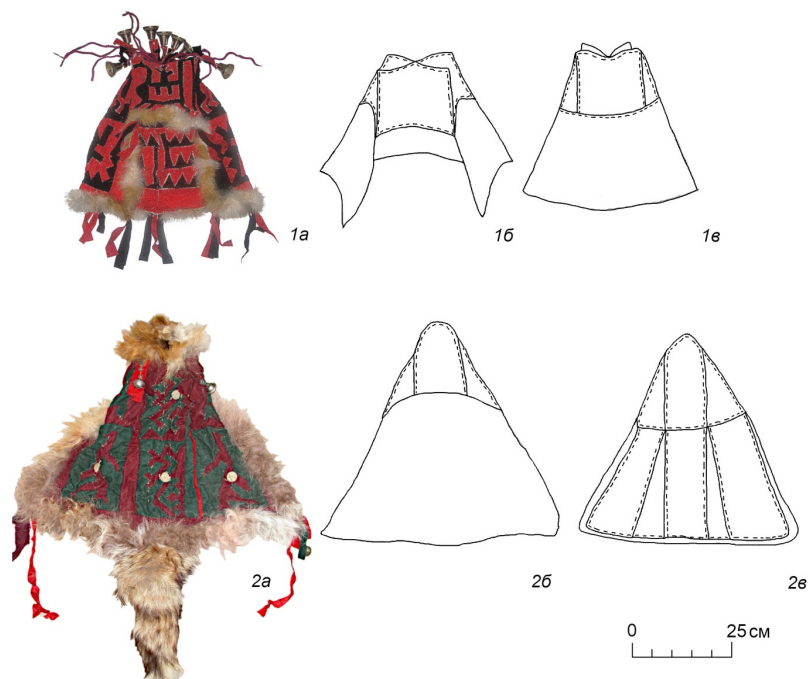

Рис. 1. I тип «шлемов» обских угров — малахай:

1 — 1 вариант (1а — вид спереди, 1б — покрой спереди, 1е — покрой сзади); 2 — 2 вариант (2а — вид сзади, 2б — покрой спереди, 2е — покрой сзади).

Fig. 1. I type of "helmets" of the Ob Ugrians — malachai:

1 — 1 option (1a — front view, 1b — cut in front, 1e — cut in the back); 2 — 2 option (2a — rear view, 2b — cut in front, 2e — cut in the back).

Во втором варианте верхние края 3–4 прямоугольников пришиты на макушке к округлой вставке, сделанной из целого лоскута или составленной из частей, а к нижнему краю трех прямоугольников пришита закрывающая шею лопасть, составленная также из 3–4 прямоугольников или орнаментированных широких полос сукна (рис. 1, 2а–в). Эта вставка также могла быть

⁴ Здесь: малахай — меховая шапка с наушниками, заимств. из монг. *mala gai*, «шапка», калм. *maχlä*, откуда и тат. *malaxai* [Фасмер, 2007а, с. 562].

орнаментирована в технике мозаики. Иногда между всеми основными деталями вставлялись узкие орнаментированные полосы сукна. У сынских хантов к макушке малахая прикрепляли кусок меха, а обшивка нижнего края нередко производилась лисьей шкурой с хвостом, который размещался сзади на середине края лопасти, опускавшейся на спину [Бауло, 2016, с. 259, рис. 410; с. 261, рис. 411, с. 264, рис. 420]. Такие головные уборы зафиксированы во второй половине XX — начале XXI в. у северососьвинских манси и у сынских хантов [Бауло, Гемуев, 2001, с. 115, 117, 142, 148; Гемуев, 1990, с. 66–67, с. 71, 110–111; Гемуев, Бауло, 1999, с. 87; 134, 151]. В ходе полевых исследований были изучены два таких шлема сынских хантов, один из них — в ходе полевых работ (ПМА, Белоярский р-н, 2005 г.) (рис. 1, 2а–в) и один (БКМ № 2175) — из фондов МАУ «Березовский районный краеведческий музей» (п.г.т. Березово, Березовский р-н Ханты-Мансийского автономного округа — Югры).

II тип (шлем) имеет покрой, также отличающийся от кроя традиционных шапок и капоров, и, по мнению А.И. Соловьева, соответствует конструкции шлема «ерихонка», происхождение которого связывается с Востоком (Турция, Персия) и который в XVI–XVII вв. использовался русскими воинами боярского ополчения, а также в польской армии и до начала XX в. — в Средней Азии [Гемуев, 1990, с. 91]. Тулья этого типа головного убора сшита из полосы, составленной из 4 прямоугольников, которая охватывает голову сзади и закрывает щеки, уши и затылок, верхние ее стороны сзади и по бокам пришиты к овальной вставке, прикрывающей макушку и темя (рис. 2, 1а–в). В центре вставки, как правило, располагается орнамент («гусь», «медведь»), часто к середине этого орнамента пришита кисточка из лоскутков сукна. Между основными деталями (прямоугольниками, макушки и нижней полосы) иногда вставлены узкие орнаментированные полосы сукна, а лицевой край обшит широкой суконной полосой, орнаментированной («сидящий соболь», «соболь», «пасть щуки», «заячьи уши» и т.п.) в технике мозаики, все края обшиты мехом (беличьим). К нижнему краю пришиты низки из бисера с бубенчиками и колокольчиками на концах. Как правило, общая высота шлема варьируется в пределах 20–60 см. Такие шлемы фиксировались в конце XX в. массово на святилищах северососьвинских манси и единично — у обских хантов [Бауло, 2002, с. 48; Бауло, Гемуев, 2001, с. 109–110, 112–114; Гемуев, 1990, с. 115–116, 119, 121; Гемуев, Бауло, 1999, с. 27–28, 40, 43–44, 51–52, 96–97, 103, 127, 138–139, 142]. В ходе экспедиционных исследований этот тип шлема (высота 42 см) был зафиксирован в прикладах духа-покровителя северососьвинских манси (ПМА, Березовский р-н, 2007).

III тип (башлык⁵, накидка) больше напоминает малахай, так как имеет широкую лопасть до плеч, закрывающую шею и состоящую из орнаментированных прямоугольников или полос (рис. 2, 2а–в). Тулья сшита из четырех прямоугольников, и в зависимости от их расположения выделяется два варианта этого типа. В первом варианте полоса, сшитая из трех прямоугольников, так же как и у второго типа, закрывает затылок, уши и виски, а сверху к ней пришит четвертый прямоугольник, покрывающий темя и макушку. Этот вариант с орнаментом «всадник» зафиксирован И.Н. Гемуевым у северососьвинских манси в конце XX в. и обозначен им как «накидка» [1990, с. 125].

Во втором варианте тулья сшивается из полосы четырех прямоугольников, прикрывающей виски и затылок. Проходящий сверху по темени и макушке шов соединяет их попарно (рис. 2, 2а–в). Края обшиты полосой меха, низками бисера с бубенчиками и колокольчиками на концах. В ходе полевых исследований один шлем этого варианта был зафиксирован у ляпинских манси и один — у сынских хантов (рис. 2, 2а–в) (ПМА, Березовский р-н, 2008; Шурышкарский р-н, 2005).

IV тип (шапка-ушанка). Головной убор этого типа шит из семи орнаментированных прямоугольников (рис. 2, 3а, б). Из пяти сшита тулья, четыре расположены по бокам и один — сверху. В связи с таким построением тулья часто приобретала форму куба или усеченной пирамиды. Иногда между квадратами тульи вставляли клинья и разноцветные полоски сукна. К нижнему краю тульи с двух противоположных сторон пришиты еще два таких прямоугольника — уши. Все края обшиты мехом, часто — частями лисьей шкуры, иногда вместе с хвостом, лапами и скальпом. При этом части шкуры располагались в определенном порядке — скальп спереди, хвост сзади, камусы по углам ушей. У некоторых мехом обшивались все швы. К углам ушей пришивали кусочки меха, бисерные низки с колокольчиками и бубенчиками, шнуры и пр. Общая высота (с ушами) таких шапок достигала 43–68 см. Этот тип фиксировался в конце XX в. большей частью у березовских, обских и казымских хантов и обских манси [Бауло, 2002,

⁵ Здесь: башлык — головной убор, в русском языке является заимствованным из тур., крым-тат., азерб., тат. [Фасмер, 2007b, с. 139].

«Шлемы» обских угров: типология и функции

с. 40–41, 43, 45–46, 49–54, 59–60; Бауло, Гемуев, 2001, с. 117, 139–142]. В ходе экспедиционных исследований один шлем этого типа (высота 70 см, ширина 185 см) был зафиксирован у обских манси (ПМА, Березовский р-н, 2007) (рис. 2, 3а, б).

Рис. 2. Шлемы обских угров:

II тип — шлем (1а — общий вид, 1б — покрой сбоку, 1в — покрой сзади) по И.Н. Гемуеву и А.В. Бауло [2001, с. 109, рис. 63]; III тип — башлык (2а — вид сбоку, 2б — покрой сбоку, 2в — покрой сзади); IV тип — шапка-ушанка (3а — общий вид, 3б — покрой сбоку).

Fig. 2. Helmets of the Ob Ugrians:

type II — helmet (1a — general view, 1b — cut on the side, 1c — cut on the back), according to I.N. Gemuev, A.V. Baulo [2001, p. 109, fig. 63]; type III — hood (2a — side view, 2b — cut on the side, 2c — cut on the back); type IV — a hat with earflaps (3a — general view, 3b — cut on the side).

Среди основных типов «шлемов» встречаются единичные экземпляры, которые значительно отличаются от остальных кроем. Так, найденный А.В. Бауло и И.Н. Гемуевым в Кимьясуи (Березовский р-н ХМАО, р. Северная Сосьва) шлем сшит в виде капора, но имеет наплечники, нагрудник и лопасть, закрывающую спину [Бауло, Гемуев, 1999, с. 155]. По форме он близок к традиционной одежде *лузану* — накидке глухого кроя, которая надевалась через голову и иногда имела капюшон. Лузан — *луз, лус* (манс.) бытовал в качестве мужской промысловой одежды у западных и северных манси, северных хантов в конце XIX — начале XX в. [Федорова, 1994, с. 138].

Для всех типов шлемов характерные общие устойчивые признаки, к которым можно отнести: 1) сшивание тульи из 3–5 одинаковых по размерам орнаментированных прямоугольников; 2) обшивка мехом (красная лиса, соболь) по краям; 3) пришивание кисточек из полосок сукна. Наибольшую вариативность обнаруживают форма и конструкция тульи и пришитой к ней нижней части. В остальных шлемах, их типы, варианты и орнаментация имеют локальное распространение. Так, в конце XX — начале XXI в. сами шлемы фиксируются исключительно в северо-западной части проживания угров — у северных манси, северных хантов, из них: у северососьвинских манси — все варианты I типа (малахай), II тип (шлем), первый вариант III типа (башлык, накидка); у ляпинских манси — второй вариант III типа (шлем, башлык); у обских манси — IV тип (шапка-ушанка); у обских хантов — II тип (шлем), IV тип (шапка-ушанка); у березовских хантов —

первый вариант (первый подвариант) I типа (малахай), IV тип (шапка-ушанка); у казымских хантов — IV тип (шапка-ушанка); у сынских хантов — первый (первый подвариант) и второй варианты I типа (малахай), второй вариант II типа (шлем), второй вариант III типа (башлык, накидка).

Как можно заметить, у групп северных манси и сынских хантов, проживающих на западе и северо-западе обско-угорского ареала, преобладают варианты I и II типов (малахай и шлем), в Приобье и на Казыме — IV тип (ушанка). Локализация определенного типа шлемов в границах проживания одной группы определяет ее носителем этой традиции: I тип (малахай) связан с северососьвинскими манси, IV тип (шапка-ушанка) — с казымскими хантами. Если посмотреть на границы расселения этих групп, их контактные районы, то можно обнаружить, что здесь существовали разные варианты этих типов. В то же время векторы распространения шлемов четко указывают на давние этнокультурные связи между отдельными локальными группами хантов и манси: северососьвинских манси — с березовскими и сынскими хантами, ляпинских манси — с северососьвинскими манси, обскими и сынскими хантами; обских манси — с обскими, березовскими, казымскими хантами.

Существование нескольких типов и множества вариантов шлемов, их локальное распространение свидетельствуют об утрате некоторыми группами традиции кроя, определяющего их форму, но традиция их изготовления сохранилась. Учитывая, что приносимые в дар духам-покровителям головные уборы являлись социальными маркерами, можно предположить, что изменение их формы было связано с новыми социальными образами. То, что эти образы регулярно обновлялись, свидетельствуют находящиеся на святилищах как в прикладках духам-покровителям, так и в составе их облачения фуражки и шапки фабричного и ремесленного производства, а также сшитые по их образцам, имитирующие их головные уборы [Гемуев, 1990, с. 51, 91].

Изучаемые головные уборы не имеют аналогов в бытовой культуре обских угров. Своими формой, кроем, украшениями и даже материалами, из которых сшиты, они значительно отличаются от тех меховых капоров — *мил* (хант.), *кент* (манс.), которые бытовали у южных и восточных хантов, северных манси в конце XIX — начале XX в. [Лукина, 1985, с. 60, 221–224; Прыткова, 1953, с. 162; 1961, с. 330; Федорова, 1994, с. 155]. По форме хранящиеся на святилищах головные уборы схожи с *пилңа мил* 'шапкой от комаров' (сев. хант.), которую северные манси и ханты шьют и в настоящее время из плотной ткани и используют в качестве накомарника — летнего мужского промыслового головного убора [Федорова, 1994, с. 156; Сязи, 2000, с. 24]. Но крой *пилңа мил*, отсутствие каких-либо украшений и условия использования свидетельствуют, что она не связана с изучаемыми головными уборами.

Если сравнивать шлемы обских угров с покроем головных уборов, бытовавших в конце XIX — начале XX в. у других народов Сибири, то можно обнаружить аналоги в крое шапок. Головные уборы народов Сибири этого периода были проанализированы на основе сравнительно-типологического метода Н.Ф. Прытковой [1961, с. 329–368]. Анализ большого объема данных позволил выделить такие их виды, как капоры, шапки, шляпы, колпаки, тубетейки, определить внутри каждого этого вида несколько типов покроя и очертить ареалы их бытования у различных народов Сибири [Там же, с. 329, 336–338]. Так, Н.Ф. Прыткова похожие на изучаемые головные уборы относит к шапкам, по своему крою они наиболее близки к выделяемым ею I и IV типам [Там же, с. 367] (рис. 3). Покрой тульи «шлемов» второго варианта I типа (малахай) обских угров во многом сходен со вторым вариантом I типа шапок, характеризующихся круглой и низкой тульей (сшитой из четырех составных клиньев) с твердым околышем или отворотом и бытовавших у селькупов (мужские), южных алтайцев (мужские и женские), якутов (мужские и женские) и хакасов (мужские) [Там же, с. 337, 367]. Сходный крой тульи имеет и второй вариант IV типа шапок народов Сибири: полусферическая тулья также состоит из четырех конусообразных клиньев и к ней пришиты козырек, наушники и назатыльник [Там же]. Такие шапки бытовали у тувинцев (мужские, женские), тофаларов (мужские) и бурят (мужские и женские) [Там же, с. 337]. Как можно заметить, на территории Сибири головные уборы похожего кроя фиксировались в конце XIX — начале XX в. большей частью у тюркских народов (хакасов, якутов, южных алтайцев, тувинцев, тофаларов). На европейской территории головные уборы типа «малахай» были известны башкирам, татарам, казахам, некоторым народам Северного Кавказа [Воробьев, 1930, с. 364; Захарова, Ходжаева, 1989, с. 212–216; Руденко, 2006, с. 146–147; Шитова, 1995, с. 91–93].

Башкиры — единственный народ из соседних с обскими уграми, у которого в этнографической действительности существовало два типа малахая. В прошлом у разных родоплеменных групп бытовали и входили еще в XIX в. в состав воинского облачения: меховой малахай —

«Шлемы» обских угров: типология и функции

холаксын (башк.), сшитый из меха красной лисицы (иногда вместе со скальпом, лапами и хвостом), овчины и другого меха ворсом внутрь и покрытый сверху тканью, расшитой позументом, и *көләперә* (башк.) — из войлока или сукна, украшенный нашитыми по швам полосками цветной ткани [Руденко, 2006, с. 146–147; Шитова, 1995, с. 91–95] (рис. 4). Отмечая наличие изображений подобных головных уборов на древнетюркских изваяниях Сибири и Монголии и широкое их распространение у казахов, С.Н. Шитова считает, что своим происхождением они связаны со скотоводами степной полосы Азии и Европы [1995, с. 94–99].

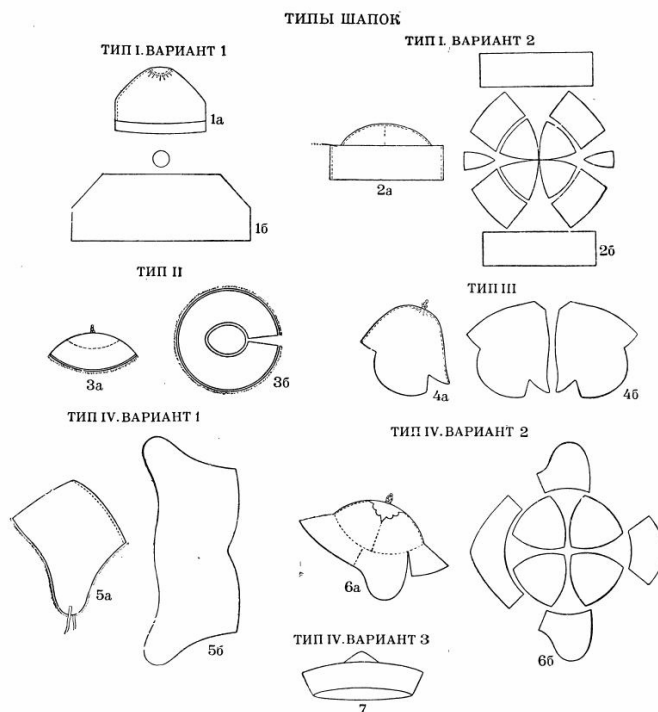

Рис. 3. Чертежи и схемы раскроя шапок народов Сибири по Н.Ф. Прытковой [1961, с. 367, табл. II, фрагмент].

Fig. 3. Drawings and schemes for cutting hats of the peoples of Siberia according to N.F. Prytkova [1961, p. 367, tab. II, fragment].

Казахский головной убор *куләпара*, *жалбай*, *жалбагай*, *далбай*, который Н.В. Захарова и Р.Д. Ходжаева называют «башлык», был изготовлен из сукна или плотной ткани, имел тулью обычно из четырех клиньев, к которой были пришиты козырек, наушники и назатыльник, подкладку из легкой ткани иногда с шерстяной прокладкой и считался летним головным убором. Его поверх других надевали обычно пастухи и табунщики для защиты от солнца и пыли [Захарова, Ходжаева, 1989, с. 212–214] (рис. 5). С *куләпара* генетически кроем связана широко распространенная у казахов меховая шапка *тымак*, основу которой также составляла тулья, сшитая из четырех войлочных клиньев, с четырьмя или двумя защищающими лоб, уши и шею лопастями из простеганной ткани с опушкой лисьим мехом или овчиной; сверху тулью покрывали тканью, предпочитая бархат, сукно [Там же, с. 215]. У разных родоплеменных групп казахов шапки *тымак* различались формой — высотой тульи, длиной лопастей; меховая шапка подобного кроя, но с одной лопастью, закрывающей уши и затылок, была распространена в Западном Казахстане, в том числе в приуральских степях [Там же, с. 215–216].

Проведенное Л.А. Бобровым исследование казахского малахая, который он называет *малакай*, и подробные описания позволяют сравнить его с угорским и башкирским [2012, с. 214]. Сравнительный анализ показывает, что казахские малахаи близки к башкирским и угорским по целому ряду признаков. К числу общих для казахов, башкир и угров относится конусообразная (коническая) или трапециевидная (цилиндрическая) тулья с пришитыми в ней наушниками и назатыльником. Для малахаев казахов и башкир характерны: меховая подбивка (ханты и манси обшивали мехом край и иногда макушку); налобник, который мог превращаться в козырек (у угров он отсутствует); войлочная подкладка; верхнее покрытие из дорогих тканей (угорские —

только из сукна); обшивка швов позументом, галуном, полосками ткани, сукна (угры вставляли в швы суконный кант); ремешки на наушниках, при помощи которых они скреплялись под подбородком или на затылке. Общим элементом для угорских и казахских малахаев является пришивание к макушке кисточки. Казахские малахаи отличались более высокой тульей (40–50 см), имели стеганную шерстью или ватой подкладку [Бобров, 2012, с. 214]. По мнению Л.А. Боброва, *малакай* — особый тип казахских головных уборов, «мягкий шлем», бытовавший в XVIII–XIX вв. в Северном, Центральном и Западном Казахстане и входивший в состав облачения знатных казахских воинов, а позднее — родовой знати [Там же, с. 214–220].

Рис. 4. Башкиры в традиционных головных уборах: на первом фото — в *колаксын'е*, на втором фото — в *келәпәрә* (по: [Руденко, 2006, с. 147, рис. 132–133]).

Fig. 4. Bashkirs in traditional headdresses: in the first photo — in *kolaksyn'e*, in the second photo — in *keləpərə* (according to: [Rudenko, 2006, p. 147, fig. 132–133]).

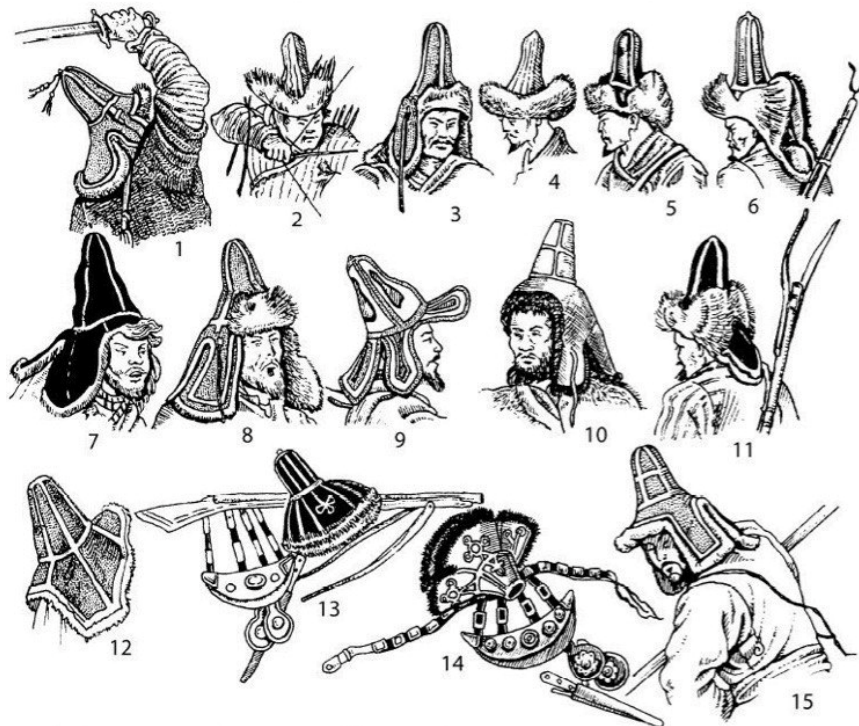

Рис. 5. Казахский головной убор «малакай» по Л.А. Боброву [2017, с. 215, рис. 1].

Fig. 5. Kazakh headdress “malaka” according to L.A. Bobrov [2017, p. 215, fig. 1].

Итак, из четырех типов существующих у обских угров шлемов наибольшее сходство с головными уборами других народов обнаруживает I тип — малахай, аналоги которому в прошлом были широко распространены в основном у тюркских народов Сибири, Центральной Азии и Европейской России. Бытование его среди башкир — народа, ранее занимавшего южные и юго-западные территории по соседству с южными и западными манси, часть которых впоследствии переселилась, войдя в состав восточных и северных манси, позволяет предположить, что малахай тех и других имеют единое происхождение. Очевидно, что для манси малахай является вполне реальной частью костюма всадника и, возможно, воина, богатыря — *отыр'а*. В отрыве от реального костюма и его владельца головной убор вошел в состав священного ритуала, сменил защитную функцию на знаковую, став символом Небесного всадника. Другие типы шлемов также вполне могут быть перешитыми копиями реально существовавших головных уборов (буденовка, башлык, подшлемник и т.п.), ассоциирующихся как с воинской символикой, так и с административной властью.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауло А.В.* Культурная атрибутика березовских хантов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 92 с.
- Бауло А.В.* Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: Этнографический альбом. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2013. 208 с.
- Бауло А.В.* Священные места и атрибуты северных хантов в начале XXI века: Этнографический альбом. Ханты-Мансийск: Музей Природы и Человека, 2016. 300 с.
- Бауло А.В.* Жертвенные покрывала обских угров: Итоги столетнего изучения // ЭО. 2017. № 3. С. 97–112. <https://doi.org/10.13039/501100006769>
- Бобров Л.А.* Казахская воинская шапка «малакай» XVIII–XIX веков // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 7. С. 213–220.
- Воробьев Н.И.* Материальная культура казанских татар: (Опыт этнографического исследования) // Труды Дома казанской культуры. 1930. Т. II. 464 с.
- Гемуев И.Н.* Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.* Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.* Небесный всадник: Жертвенные покрывала манси и хантов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 160 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4: Р–Я. М.: Рипол классик, 2002. 672 с.
- Захарова И.В., Ходжаева Р.Д.* Головные уборы казахов: (Опыт локальной классификации) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 204–227.
- Иванов С.В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — нач. XX вв. М.; Л.: Искусство, 1954. 840 с.
- Лещенко В.Ю.* Прикладное искусство и мифология в эпоху разложения патриархально-родового строя: (Булгарский художественный металл в культе финно-угров) // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма / Ред. Я.Я. Кожурин. Л.: ГМИРиА, 1981. С. 105–126.
- Лукина Н.В.* Формирование материальной культуры хантов. Томск: Изд-во ТГУ, 1985. 384 с.
- Молданова Т.А.* Орнамент хантов Казымского Приобья: Семантика, мифология, генезис. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 261 с.
- Прыткова Н.Ф.* Жертвенное покрывало казымских хантов // СМАЭ. 1949. Т. 11. С. 376–379.
- Прыткова Н.Ф.* Одежда хантов // СМАЭ. 1953. Вып. XV. С. 123–233.
- Прыткова Н.Ф.* Головные уборы // ИЭАС. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 329–386.
- Руденко С.И.* Графическое искусство остяков и вогулов // Материалы по этнографии России. Л., 1929. Т. 4. Вып. 2. С. 13–40.
- Руденко С.И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
- Рындина О.М.* Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Т. 3: Орнамент. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. 640 с.
- Сязя А.М.* Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск: Изд-во ТГУ, 2000. 248 с.
- Топоров В.Н.* Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии (1–2) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье: (История и культура). М.: Наука. Восточная литература, 1981. С. 146–163.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1: А–Д: Ок. 4000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2007а. 588 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2: Е–Муж: Более 4500 слов. М.: Астрель: АСТ, 2007б. 671 с.

Богордаева А.А.

Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб.: МАЭ РАН, 1994. 284 с.

Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. 1939. № 2. С. 20–42.

Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Н. С. Т. 1. 1947. С. 113–134.

Чернецов В.Н., Чернецова И.Я. Краткий мансийско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.; Л.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1936. 115 с.

Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. Уфа: Китап, 1995. 240 с.

Kannisto A., Liimola M. *Materialien zur Mythologie der Wogulen*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958. 444 S.

Vahter T. *Ornamentic der Ob-ugrier*. Helsinki: Societe Finno-Ougrienne, 1953. IX. 216 S.

Bogordayeva A.A.

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Cheruvshevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation

E-mail: bogordayeva@mail.ru

“Helmets” of the Ob Ugrians: typology and functions

On the basis of the comparative-typological method, the woolen headdresses-helmets held at the sanctuaries of the Northern Khanty and Mansi have been analyzed. By the shape of the crown and some additional details, four helmet types were identified, which, by the way of analogy, were designated as malakhai (a fur cap), helmet, bashlyk (a hood), and ear-flapped cap. For each type, its specifics and territory of its common use were determined. It has been found that malakhai is characteristic of the Severnaya Sos'va Mansi, while ear-flapped cap — of the Kazym Khanty. The other types and variants are distributed at the borders of their settlement and among other groups. The existence of several types of helmets, their variability and local distribution suggest the loss by some groups of the tradition of cutting, but preserving the tradition of manufacture. As the result, one form of the headdresses was replaced by others, probably related to new social images. It has been ascertained that the identified types of the helmet cutting have no comparable counterparts among the traditional headdresses of Khanty and Mansi. In the meantime, helmet of the malakhai type bears resemblance to the headdresses (malakhais) of the Turkic peoples of Siberia, Central Asia, and the European part of Russia. The headdresses of a similar form were used among the neighboring in the past Bashkirs, as well as the Kazakhs living alongside with the Bashkirs. Among both the Bashkirs and the Kazakhs, malakhais formed a part of the costumes of the warrior and the horseman. A comparative analysis of the cutting and decorations of the Ugric, Bashkir and Kazakh malakhais shows resemblance in a series of features. This points favorably to their common origins and supports the existence of such headdresses among the Ugrs in the past. In the Ugric society, malakhais acquired a new role and became a symbol of the Heavenly Rider.

Keywords: Khant, Mansi, Ob Ugrians, Ural, Western Siberia, sacred objects, headdress, hat, helmet, “malakhai”, the Sky Rider.

Funding. The work was done according to the state order № 121041600045-8.

REFERENCES

- Baulo, A.V. (2002). *Cult Attributes of the Berezovo Khanty*. Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Baulo, A.V. (2013). *Sacred Places and Attributes of the Northern Mansi in the Early 21st Century*. Khanty-Mansiisk: Basko. (Rus)
- Baulo, A.V. (2016). *Sacred places and attributes of the Northern Khanty in the beginning of the 21st century: An ethnographic album*. Khanty-Mansiisk: Muzei Prirody i Cheloveka. (Rus.).
- Baulo, A.V. (2017). Sacrificial Linens of the Ob Ugrians: The Outcome of a Hundred Years of Studies. *Etnograficheskoe obozrenie*, (3), 97–112. (Rus.).
- Bobrov, L. A. (2012). Kazakh military cap “malakai” XVIII–XIX centuries. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istorii, filologiya*, 11(7), 213–220. (Rus.).
- Chernetsov, V.N. (1939). The Clan System of the Ob-Ugric Society. *Sovetskaia etnografiia*, (2), 20–42. (Rus.).
- Chernetsov, V.N. (1947). On the Issue of Appearance of Eastern Silver in the Ob Region. *Trudy Instituta etnografii*, (1), 113–134. (Rus.).
- Chernetsov, V.N., Chernetsova, I.Ia. (1936). *Concise Mansi-Russian dictionary with a grammatical sketch*. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Dal', V.I. (2002). *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vol. Vol. 4*. Moscow: Ri-pol klassik. (Rus.).
- Fasmer, M. (2007a). *Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vol. Vol. 1*. Moscow: Astrel': AST. (Rus.).

«Шлемы» обских угров: типология и функции

- Fasmer, M. (2007b). *Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vol. Vol. 2.* Moscow: Astrel': AST. (Rus.).
- Fedorova, E.G. (1994). *Historical-ethnographic essays on Mansi material culture.* St. Petersburg.: MAE RAN. (Rus.).
- Gemuev, I.N. (1990). *Worldview of the Mansi: House and Cosmos.* Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Gemuev, I.N., Baulo, A.V. (1999). *Sanctuaries of the Mansi in the Upper Reaches of Northern Sosva.* Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Gemuev, I.N., Baulo, A.V. (2001). *The Sky Rider: Sacrificial Linens of the Mansi and Khanty.* Novosibirsk: IAET SO RAN. (Rus.).
- Ivanov, S.V. (1954). *Materials on the Graphic Arts of Siberian Peoples in the 19th — Early 20th Centuries.* Moscow: Iskusstvo. (Rus.).
- Kannisto, A., Liimola, M. (1958). *Materialien zur Mythologie der Wogulen.* Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Leshchenko, V.Y. (1981). Applied Art and Mythology in the Period of Dissolution of the Patriarchal Clan System (Artistic Use of the Bulgarian Metal in Finno-Ugric Cults). In: *Aktual'nye problemy izucheniia istorii religii i ateizma.* Leningrad: GMIRiA, 105–126.
- Lukina, N.V. (1985). *The Development of Material Culture of the Khanty.* Tomsk: TGU. (Rus.).
- Moldanova, T.A. (1999). *Ornament of the Khanty of the Kazym Ob region: Semantics, mythology, genesis.* Tomsk: TGU. (Rus.).
- Prytkova, N.F. (1949). The Sacrificial Linen of the Kazym Khanty. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, (11), 376–379. (Rus.).
- Prytkova, N.F. (1953). Khanty clothing. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, (15), 123–233. (Rus.).
- Prytkova, N.F. (1961). Hats. In.: M.G. Levin, L.P. Potapov (Eds.). *Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri.* Moscow; Leningrad: AN SSSR, 329–386. (Rus.).
- Rudenko, S.I. (1929). Graphic Arts of the Ostyak and Vogul. *Materialy po etnografii Rossii*, 4(2), 13–40. (Rus.).
- Rudenko, S.I. (2006). *Bashkirs: Historical and ethnographic essays.* Ufa: Kitap. (Rus.).
- Ryndina, O.M. (1995). *Essays on the Cultural Formation of Western Siberia Peoples. Vol. 3: The Ornament.* Tomsk: TGU. (Rus.).
- Shitova, S.N. (1995). *Bashkir folk clothes.* Ufa: Kitap. (Rus.).
- Siazi, A.M. (2000). *Ornaments and Material Objects in the Culture of the Lower Ob River Khanty.* Tomsk: TGU. (Rus.).
- Toporov, V.N. (1981). On the Iranian influence in the mythology of the peoples of Siberia and Central Asia (1–2). In.: B.A. Litvinskii (Ed.). *Kavkaz i Sredniaia Aziia v drevnosti i srednevekov'e: (Istoriia i kul'tura).* Moscow: Nauka. Vostochnaia literatura, 146–163. (Rus.).
- Vahter, T. (1953). *Ornamentic der Ob-ugrier.* Helsinki: Societe Finno-Ougrienne.
- Vorob'ev, N.I. (1930). *Material culture of Kazan Tatars: (Experience of ethnographic research).* Kazan'. (Rus.).
- Zakharova, I.V., Khodzhaeva, R.D. (1989). Headwear of the Kazakhs: (Experience of local classification). In.: N.P. Lobacheva, M.V. Sazonova (Eds.). In: *Traditsionnaia odezhda narodov Srednei Azii i Kazakhstana.* Moscow: Nauka, 204–227. (Rus.).

Боргордаева А.А., <https://orcid.org/0000-0002-2665-4833>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.09.2022

Article is published: 15.12.2022